

с. 4

А. П. ЧЕХОВ О ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНВЕНЦИИ

Вопрос о литературной конвенции с Россией давно занимает французских писателей, которые находят, что союзники — русские довольно бесцеремонно грабят их, переводя безвозмездно все произведения французской литературы и не платя за это авторам ни копейки. В настоящее время, по словам "Южного Обозрения", один из самых крупных французских издателей, Гетцель, ведет переговоры с секретарем французского посольства в Петербурге о конвенции. Сотрудник "*Temps*" Мишель Делин решил поговорить о конвенции с русскими писателями. Между прочим, он обратился к Антону Павловичу Чехову, и вот что ему сказал автор "Человека в футляре".

"Что касается меня лично, то я вполне за конвенцию. Я не могу представить себе ничего более тяжелого для автора, как знать, что без его ведома какой-нибудь господин может приподнести его произведение заграничной публике, как ему вздумается. Заметьте, что я оставляю совершенно в стороне финансовый вопрос, я только нахожу, что обладаю неоспоримым правом знать переводчика моих произведений, его литературное значение и то, в каком виде он представит меня иностранной публике, так как от этого зависит и мое будущее на родине. Плохой перевод хуже подлога; лучше оставаться совершенно неизвестным. Одного этого основания для

меня достаточно, чтобы присоединиться к Бернской конвенции".

— Вы рассуждаете, как художник — сказал на это А.П. Чехову г. Делин — но все ли ваши собраты держатся вашего взгляда?

— Далеко не все — отвечал А.П. Чехов. — В России, по данному вопросу существует три различных взгляда. Первый, которого придерживается большинство писателей, враждебен в принципе всякой конвенции. По этому взгляду до тех пор, пока русская пресса не будет пользоваться той же свободой, как и заграничная, иностранцы поступят очень плохо, попытавшись надеть на нее намордник при помощи новых ограничений, "Достаточно с нас, — заявляют публицисты, разделяющие это мнение, — цензурных препятствий, а нас хотят еще заставить на тысячеверстном расстоянии испрашивать позволения на перевод у незнакомых авторов. При этом и автор должен обратиться к своему издателю. Все эти формальности не в наших нравах. Наше книжное дело построено иначе, чем в Западной Европе. У нас, за редкими исключениями, авторы печатают свои произведения на свой собственный счет и отдают их, затем, книгопродавцам на комиссию. Даже сам Л.Н. Толстой не поступает иначе. Раньше, чем думать о нашем присоединении к Бернской конвенции, следовало бы реформировать нашу книжную торговлю. Но тогда крупные промышленники сговорились бы с иностранными, приобрели бы монополию перевода, и публику стали бы обирать, в угоду нескольким торговцам, которых судьба литературы интересует

очень мало".

Другая группа литераторов, во главе которой стоит талантливый публицист Южаков и хорошо известный во Франции романист Короленко согласны присоединиться к Бернской конвенции, внося в нее изменение, принципиально относящееся к самому авторскому праву. Южаков не желает, чтобы авторы обладали монополией на свои произведения; он не допускает, чтобы автор мог передать издателю исключительное право перевода. Он предлагает, чтобы, до заключения литературной конвенции с Францией, русское правительство установило, что всякий русский проданный имеет право переводить и выпускать в свет иностранные произведения под условием платить известную, определенную заранее, сумму французским авторам. Нечто подобное существует в Италии, где писатель пользуется исключительным правом на свои произведения, только до истечения сорока лет, со дня выхода их в свет.

Наконец, третья, немногочисленная группа литераторов, с петербургским профессором Фойницким во главе, высказывается за прямое и безусловное присоединение к конвенции, так как считает безнравственным и развращающим даровое пользование чужим трудом даже при тех обстоятельствах, в которых находится русская печать.

Это — говорят они — отражается вредно на репутации России в Европе, где не стесняются называть нас пиратами, желающими жить на чужой счет. Затем — утверждает Фойницкий — если конвенцию и наложит на русскую печать тяжелую жертву, то это пойдет в пользу развития национальной литературной производительности.

А.И.